

DOI: 10.15393/j9.art.2020.7722

УДК 82

Ю. Н. Сытина*Московский государственный областной университет
(Москва, Российская Федерация)*

yulyasytina@yandex.ru

Проблемы теоретической и исторической поэтики в трудах И. А. Есаулова: методология, концепция, новые категории русской филологии

Аннотация. В статье проанализирован вклад в изучение проблем теоретической и исторической поэтики русского литературоведа, доктора филологических наук, профессора Ивана Андреевича Есаулова — его центральные научные идеи, принципы построения новой концепции истории русской литературы. Исследователь в качестве филологических категорий ввел ряд понятий, прежде в этой области не употреблявшихся: соборность, пасхальность, закон, благодать, христоцентризм. Тем самым он предложил новое определение содержания русской литературы. На богатом материале отечественной словесности, начиная со «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона и заканчивая писателями конца XX в., И. А. Есаулов доказал плодотворность своего подхода для *понимания* русской литературы. Важнейшей методологической установкой ученого является необходимость разграничения анализа, понимания и интерпретаций как различных подходов к изучению художественного произведения, а также обоснование множественности толкований литературного произведения в рамках границ «спектра адекватных прочтений».

Ключевые слова: И. А. Есаулов, соборность, пасхальность, анализ, спектр адекватности, интерпретация, понимание, культурное бессознательное, парафраз

Об авторе: *Сытина Юлия Николаевна* — кандидат филологических наук, доцент кафедры русской классической литературы, Московский государственный областной университет (ул. Фридриха Энгельса, д. 21, стр. 3, г. Москва, Российская Федерация, 105005)

Дата поступления: 19.12.2019

Дата публикации: 25.05.2020

Для цитирования: Сытина Ю. Н. Проблемы теоретической и исторической поэтики в трудах И. А. Есаулова: методология, концепция, новые категории русской филологии // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 2. — С. 7–24. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7722

Первая книга Ивана Андреевича Есаулова «Эстетический анализ литературного произведения» вышла в издательстве Кемеровского государственного университета в 1991 г. Именно в его стенах и начался профессиональный путь ученого — сначала как студента филологического факультета, затем как аспиранта кафедры теории литературы и преподавателя. Небольшая монография обратила на себя внимание научного сообщества. Первая рецензия на нее появилась за границей — в Загребе, на хорватском языке. Она была написана профессором, а ныне академиком Хорватской академии наук и искусств Йосипом Ужаревичем.

Теоретические положения этой работы И. А. Есаулов развил в следующей своей книге «Спектр адекватности в истолковании литературного произведения (“Миргород” Н. В. Гоголя)», опубликованной в 1995 г. в издательстве Российского государственного гуманитарного университета, где он преподавал с 1992 по 2010 гг. Впервые термин «спектр адекватности» был предложен ученым еще в 1988 г. [Есаулов, 1988]. В этой монографии теоретически обосновывается возможность различных интерпретаций литературного произведения. Автор объясняет, почему филологическая наука не должна ставить своей целью поиски единственно возможного, «правильного» прочтения (предполагая, что все другие будут при этом «неправильными»). В то же время, как он подчеркивает, недопустим и субъективистский («постмодернистский») произвол в истолковании текстов: необходимо очертить возможные границы адекватных прочтений, диктуемые самим произведением, типом культуры и аксиологией автора. Здесь же ученый обосновывает необходимость различать понимание, анализ и интерпретации и настаивает на субъектно-субъектной (интерсубъективной) природе всякого понимания, на необходимости «диалога согласия» автора и истолкователя. Принципиально важной для Есаулова является исследовательская позиция, основанная на позитивном отношении к фундаментальным ценностям рассматриваемого автора, что необходимо учитывать и при преподавании литературы (см.: [Есаулов, Сытина]). Радикальное расхождение аксиологических установок исследователей и предмета их изучения,

по его мнению, приводило и приводит к явному искажению истории русской литературы.

Концептуальный подход И. А. Есаулова к творчеству Гоголя в монографиях 1991 и 1995 гг. принципиально различен — это позволяет говорить о том, что именно в эти годы исследователь приходит к необходимости корректировки прежней методологии изучения поэтики произведений посредством выявления христианского текста и подтекста отечественной словесности. В первой книге рассматривается исключительно «мифопоэтическая» реальность гоголевского цикла, тогда как во второй — ее описание обогащается выявлением и демонстрацией христианского (православного) подтекста, пропускающего в интенции пути от «мира» к «городу». Этот православный подтекст, по аргументированному мнению ученого, усложняет «мифологическую модель» мира, наполняя ее христианскими смыслами [Есаулов, 1995b: 81]. Таким образом, на том же материале Есаулов переходит к новой (но не порывающей с предыдущей, а развивающей и усложняющей ее) научной парадигме, которая и ложится в основу всех его последующих трудов.

В то же время, критикуя понятие «религиозная филология», И. А. Есаулов подчеркивает, что занимается филологией как таковой и полемизирует с учеными, фактически уподобляющими православие идеологии и стремящимися «механически» накладывать каноны православной догматики на художественное творчество, дабы затем «оценивать» идеологическую «правильность» произведений и их авторов. Такой подход, по его мнению, является «внешним» объяснением, выходящим за пределы «спектра адекватности» (см.: [Есаулов, 2008]).

В 1995 г. в издательстве Петрозаводского университета вышла монография И. А. Есаулова «Категория соборности в русской литературе»¹ солидным для университетских изданий тиражом — три с половиной тысячи экземпляров. Эскиз для суперобложки был передан автору Екатериной Селивёрстовой — вдовой знаменитого художника Юрия Селивёрстова (автора известного цикла портретов великих отечественных мыслителей) — и представлял собою макет проекта восстановления московского храма Христа Спасителя. Впоследствии

Есаулов так раскрыл смысл этого эскиза: «...в нем идеально выражена идея книги — все разрушено. Точнее, почти все. Я исхожу из того, что советская культура не является продолжением русской православной культуры. От великой русской культуры осталась разве что маленькая часовенка — что-то неуничтожимое» [Есаулов, 2013].

В аннотации к монографии указано, что она содержит «богатый материал, который может быть использован для последующего создания принципиально новой истории русской литературы, глубоко связанной с доминантным для отечественной культуры типом христианской духовности» [Есаулов, 1995а: 2]. Эта книга стала фундаментом новой концепции истории русской литературы, предложенной и обоснованной И. А. Есауловым в дальнейших его работах. Метафорически выражаясь, «часовенка» на обложке не просто явила собою что-то «неуничтожимое», но и послужила краеугольным камнем в построении концепции нового *понимания* русской классики.

Являясь «ведущей категорией русского православного христианства» [Есаулов, 1995а: 4], *соборность* до Есаулова никогда не рассматривалась в качестве категории *поэтики*². Став же таковой в работах ученого, она позволила принципиально иначе взглянуть как на отдельные произведения русской классики, так и на историю отечественной словесности (и даже шире — культуры) в целом. Далеко не случайно, что первым литературным памятником, к которому в данной монографии обратился автор, стало «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона. Важно не только то, что это — первое оригинальное произведение русской словесности, но прежде всего, что «в разграничении Закона и Благодати можно увидеть “ключ” к рассматриваемой категории. <...> ...благодать Божия — “зерно” самой соборности. Действие благодати митрополит Иларион относит не только к отдельной личности, но и к народу в целом. Одновременно в этом тексте наличествует и вектор духовности, ограничивающий позднейшие произвольные манипуляции с толкованием соборности» [Есаулов, 1995а: 16–17].

В последующих главах монографии ученый показывает, что *соборность* оказывается во многом смыслообразующей в «Слове о полку Игореве», «Капитанской дочке» Пушкина, «Миргороде» и «Мертвых душах» Гоголя, «Войне и мире» Толстого, «Братьях Карамазовых» Достоевского, «Студенте» и «На святках» Чехова. Обращается автор и к проблеме «трансформации» русской духовности и ее судьбы в XX веке, исследуя литературу русского зарубежья (сопоставляя творчество Набокова и Шмелева) и «религиозный вектор» советской литературы (в частности, попытку подмены соборности тоталитарным коллективизмом). «Его ключевое наблюдение состоит в том, — резюмирует содержание последних глав “Соборности...” В. Террас, — что советская литература была не столько атеистической или даже материалистической, сколько антихристианской. Она допускала *обожествление* Ленина, имела свой свод мучеников и создала богатую революционную мифологию»³ [Terras].

В свое время В. Н. Захаров, размышляя над исследованием христианских традиций в русской литературе, особо выделил «Категорию соборности в русской литературе» как «оригинальное и новаторское исследование, автор которого дает новое определение содержания русской литературы»: «И. А. Есаулов не только ввел в критический обиход новые категории филологического анализа, но показал и доказал их плодотворность в анализе русской литературы. В заглавии работы указана одна категория — соборность, на самом деле их три: соборность, закон и благодать. Они не новы в тезаурусе русской духовной мысли, но впервые стали категориями филологического анализа <...> открытие И. А. Есаулова дает больше, чем новое прочтение известного, — оно дает возможность адекватно прочитать и понять русскую классику, понять проблему советской литературы (ее духовную тщету и историческую обреченность), осознать трагедию русской литературы в изгнании, угадать перспективы выхода из современного кризиса» [Захаров: 5–6].

Впрочем, далеко не все коллеги ученого приняли его труд. Так, журнал «Новое литературное обозрение», три года после выхода книги хранивший полное молчание о ней, в конце

1998 г. опубликовал своего рода «донос» (с заботливым указанием места работы Есаулова) — рекордную для «НЛО» по объему (19 страниц, набранных петитом!) «рецензию», где социолог Л. Д. Гудков (будущий директор «Левада-Центра») предупреждал об общественной опасности данной монографии: «Чтение книги тяжело и непродуктивно <...>. Утверждение соборного начала в качестве высшей ценности русской культуры, познания, этики и т. п. <...> — это формула интеллектуального поражения <...>. Это <...> ограничение и поражение центральных символических структур, ответственных за инновацию и ценностную универсализацию» [Гудков, 1998: 369, 371]. Автор, в свою очередь, так отозвался на эти «опасения»: «...забавно некоторое самозванство этих “структур”, ведь совершенно неясно, почему Гудкову представляется, будто *именно они* непременно “ответственны за инновацию”: подобная анонимность вполне квалифицированно демистифицируется современной социологической литературой, жаль, что “ответственный” Гудков, вероятно, не вполне освоил ее: но тогда зачем же так сердиться, что его “центральные структуры” уже почти изгоняемы <...> из вождяленного “центра” (или, во всяком случае, “ограничены” в манипуляциях) и зачем признаваться в “поражении”? <...> Особенность же аргументов Гудкова такова, что фобия быть символически вытесненным на периферию вынуждает его не ограничиваться идеологическими ярлыками, не затрудняя себя аргументацией, но и принуждает обратиться к *начальству*: так не хочется ему покидать эти хотя и “символические”, но “центральные структуры”» [Есаулов, 2008: 612–613].

Профессор Саратовского университета В. С. Вахрушев, обратившийся тогда же с возмущенным письмом в редакцию «НЛО» (см.: [Вахрушев, 1998]), защищая ученого от идеологических обвинений, впоследствии писал: «...следует заметить, что в настоящее время И. А. Есаулов занимает лидирующее положение в лагере <...> приверженцев “православного” направления в русском литературоведении. Среди прочих его адептов он наиболее академичен по стилю и характеру аргументации, наиболее авторитетен среди зарубежных славистов, одобряющих русскую ветвь православного христианства. Его

труды — это отпор тем хулителям православной культуры русского народа, которые видят в ней лишь “сублимацию неврозов”, “комплекс неполноценности”, скрытое язычество и даже “сатанизм”» [Вахрушев, 2006: 215].

В 1996 г. И. А. Есаулов защитил докторскую диссертацию «Категория соборности в русской литературе XIX–XX веков» в Московском государственном педагогическом университете (официальные оппоненты: В. Н. Захаров, Л. А. Смирнова, Б. Н. Тарасов, ведущая организация — МГУ). К защите поступили отзывы славистов из Кембриджского, Принстонского, Берлинского, Загребского и других отечественных и зарубежных университетов. По воспоминаниям участников, защита была в высшей степени неформальной и многолюдной, несколько напоминавшей аналогичные диспуты в исторической России (известные нам по биографическим источникам), длилась около пяти часов, причем — с непредсказуемым исходом.

Как замечал Питирим Сорокин, резко поляризованная реакция типична «для подавляющего большинства крупных работ в науке, философии, изящных искусствах или религии. Только работы, в которых нет ничего нового и важного, которые не бросают вызов господствующим идеям, стилям или стандартам, только такие работы, если им вообще суждено быть замеченными, встречают несколько поощрительных откликов и быстро уходят в забвение, не удостоиваясь даже краткого надгробного слова...» [Сорокин: 166]. «Как правило, все нон-конформистские и пионерские идеи вызывают поначалу определенное сопротивление и критику» [Сорокин: 187].

В качестве главных своих научных (да и жизненных) ориентиров И. А. Есаулов называет, прежде всего, М. М. Бахтина и А. Ф. Лосева — тот и другой не были «чистыми» филологами, но стремились охватить и понять целое культуры⁴. По этому пути идет и Есаулов, каждая книга которого — «своего рода вызов (или ответ на вызов)» [Есаулов, 2015: 565].

В статьях и интервью исследователь не раз подчеркивал, что видит своей задачей восстановить те «фигуры умолчания», которые были неизбежны в трудах М. М. Бахтина, писавшего, как и А. Ф. Лосев, «под <...> несвободным небом»

[Есаулов, 2017: 160]. В частности, И. А. Есаулов обосновывает понятие большое время русской культуры, стремясь выделить и ввести в литературоведческий обиход трансисторические категории, лежащие в основе отечественной культуры: соборность, пасхальность, христоцентризм, закон, благодать. Большое время русской культуры, с точки зрения Есаулова, зиждется на понятии абсолютного мифа (как его обосновал Лосев) с категорическим постулатом Воскресения.

Это положение получило развитие в следующей монографии — «Пасхальность русской словесности»⁵. В ней вводится и обосновывается понятие *культурного бессознательного*, выделяются рождественский и пасхальный архетипы, прослеживается их сложное взаимодействие в истории русской литературы. Именно пасхальный архетип, как показывает И. А. Есаулов, лежит в основе отечественной словесности. К такому выводу ученый приходит, подтверждая свои теоретические интенции посредством глубинного анализа произведений Островского, Пушкина, Гоголя, Достоевского, А. Блока, М. Горького, С. Есенина, И. Бабеля, А. Платонова, Б. Пастернака, одновременно демонстрируя методологические перспективы предлагаемого им научного подхода. В свете пасхального архетипа исследователь подробно рассматривает проблемы визуальной доминанты русской словесности и присутствующую ей иконичность; кардинально корректируя бахтинскую теорию карнавала, он обращается к оппозиции юродства и шутовства в русской культуре и литературе.

В рецензии на «Пасхальность...», опубликованной в журнале «Москва», историк С. М. Сергеев, отметил: «И. А. Есаулов как раз обладает подлинной исследовательской смелостью, не боится широких обобщений, в то же время умеет блестяще анатомировать художественное произведение вплоть до его мельчайших деталей <...>. Говоря фигурально, ученый одинаково хорошо владеет как микроскопом, так и телескопом, стремясь соединить данные, полученные от наблюдения из обоих инструментов, в единой и стройной теории. <...> Есаулова читать всегда интересно и — употреблю и вовсе “неакадемический” эпитет — увлекательно, согласен ты с ним или нет. Кроме <...> “умения взять быка за рога”, увидеть в том

или ином тексте то главное, что и нужно обсуждать в первую очередь, глубоко импонирует не только лишь “научная”, но и человеческая, “экзистенциальная” заинтересованность филолога в результатах его штудий. Иван Андреевич героически пытается спрятать личный темперамент, религиозные и гражданские чувства, симпатии и антипатии, восхищение и сарказм за частоколом специально-ученой лексики, но безуспешно. <...> “Пасхальность русской словесности” <...> является непосредственным продолжением монографии “Категория соборности в русской литературе”. Тематически, методологически, идеологически обе работы образуют совершенно очевидный и, как мне представляется, законченный диптих» [Сергеев: 172].

Другой рецензент книги, заведующий кафедрой русской литературы Донецкого университета А. А. Кораблев, подчеркнул: «Последовательность и целеустремленность, с какими Есаулов осмысливает историю русской словесности, выдает его не вполне литературоведческий замысел: не только доказать-обосновать оригинальную историко-литературную концепцию, но восстановить в национальном сознании единство и цельность национальной культуры, несмотря на ее видимые противоречия и самоотрицания <...>. Наверное, не будет большим преувеличением сказать, что аналитические опыты Есаулова переворачивают школьные представления об истории русской литературы в целом и об отдельных ее произведениях в частности <...>. Есауловым предложена связка понятий, объясняющих, с одной стороны, закономерности историко-литературного процесса, а с другой — дающая аксиологический инструментарий для истолкований отдельного литературного явления» [Кораблев: 304, 305, 306].

Как уже было упомянуто, особая область научных интересов И. А. Есаулова — трансформации русской классики, которые происходят при ее перетолковании в советское время, «вторичная сакрализация» советской эпохи и ее особая мистика. К этому вопросу исследователь обращался как в выше названных монографиях, так и в отдельной своей книге «Мистика в русской литературе советского периода (Блок, Горький, Есенин, Пастернак)» [Есаулов, 2002].

Еще в 1993 г. И. А. Есаулов был автором одной из глав и составителем книги «“Конармия” Исаака Бабеля», опубликованной в издательстве РГГУ [Есаулов, 1993], а в 2011 г. в издательстве «Св. Климент Охридски» Софийского университета вышла его монография «Культурные подтексты поэтики Бабеля» [Есаулов, 2011]. Вопреки господствующему стремлению видеть в произведениях Бабеля своего рода оппозицию победившему большевизму, ученый показывает, что творчество писателя является важнейшей частью раннесоветской литературы. Исследуя поэтику произведений Бабеля, он описывает те трансформации, метаморфозы и псевдоморфозы, которые претерпевает в них русская культура.

В 2012 г. вышла монография И. А. Есаулова «Русская классика: новое понимание» (переиздана в 2013 и — дополненная четырьмя новыми главами — в 2017 г.) — «монументальный итог многолетней напряженной работы исследователя» [Звоначева, 2012: 5]. Этот труд целостно представил новую концепцию истории русской литературы, базирующуюся на описании доминантного для России типа христианской духовности. Отечественная словесность рассматривается здесь в большом времени русской православной культуры. «Как это принято в подобных типах дискурса, методологическая экспликация авторских позиций представлена в форме полемики, в которой в духе сократовской майевтики рождаются научные истины. В этом смысле Есаулов показал себя как прекрасный знаток не только русского литературоведения, но и западных постструктуралистских теорий <...>. Многие ее (книги. — Ю. С.) идейные послы могут стать побуждением к иному изучению других литератур, возникших в рамках православного наследия, к примеру, сербской литературы. Кроме того, несмотря на методологические рамки и строго очерченный материал, отдельные прочтения настоящей книги открывают возможности для иных толкований и “не-русских” или неправославных авторов, хотя и в несколько ином ключе» [Попович: 218, 222–223]⁶, — замечает профессор Белградского университета Таня Попович.

Новое *понимание* И. А. Есауловым русской классики базируется на разработанной им в предыдущих трудах оригинальной концепции истории отечественной словесности. Смыслы художественных текстов проясняются через детальный анализ их поэтики, который основывается на новых филологических категориях с учетом большого времени русской православной культуры. Категории эти, как подчеркивает автор, не «выдуманы» им и не навязаны русской литературе и культуре извне, но органически выведены из ткани самих художественных произведений. Православные ценности, как показывает ученый, столь глубоко прошли в ткань русского бытия, что проявляются в литературе не только осознанно, но и глубинно, исподволь, порою даже вопреки рациональной воле и установкам писателей. Так, через анализ поэтики Есаулов приходит к выводу, что подлинным смыслом «После бала» Л. Толстого оказывается не обличение «недолжной» царской России, но оскудение любви в душе самого рассказчика.

Особое внимание в книге уделяется национальному образу мира, наличию православного кода и культурного бессознательного в поэтике произведений. Углубляя и расширяя сделанные ранее наблюдения над древнерусскими текстами, И. А. Есаулов рассматривает особенности «перехода» русской литературы от Средневековья к Новому времени (специально останавливаясь на оде Державина «Бог»). Отдельные главы ученый посвящает творчеству Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Островского, Чехова, Блока, Горького, Есенина, Платонова, Пастернака, а также писателям русского зарубежья (Бунину, Шмелеву и Набокову).

Своего рода «данью» ученого малому времени постсоветской повседневности — отдав которую можно было уже всецело погрузиться в большое время и писать о «вечном» (см.: [Есаулов, 2020a]) — стала монография «Постсоветские мифологии: структуры повседневности» (2015), впоследствии отмеченная Бунинской литературной премией в 2016 г. В предисловии И. А. Есаулов отсылает читателей к «Диалектике мифа» А. Ф. Лосева и «Мифологиям» Р. Барта и в дальнейшем использует исследовательские стратегии того и другого авторов.

Книга вобрала в себя блогерские заметки ученого «на злобу дня» из особого раздела электронного портала <http://esaulov.net>, в которых демонстрируются различные формы современных «относительных» мифологий, комментарии читателей к ним, а также диалог автора с этими читателями. Во вторую часть книги «Аксиология русской культуры» включены избранные научные работы Есаулова за четверть века (в основном, острополемиического характера), подчеркивающие неизменность его позиции, выдержки из интервью исследователя и фрагменты рецензий на его монографии (как хвалебные, так и ругательные).

В 2017 г. вышли две большие научные работы И. А. Есаулова, где он выступил и как автор, и как редактор или составитель. Обе они направлены на осмысление отечественной литературы и культуры в мировом контексте, обобщение и систематизацию разнообразных ее оценок, перетолкований, трансформаций. Это коллективная монография «Русская классическая литература в мировом культурно-историческом контексте» (в соавторстве с Б. Н. Тарасовым, А. Н. Ужанковым, Ю. Н. Сытиной и др.) и составленный совместно с Т. Г. Петровой в рамках серии «Русский путь» том «Русская классика: pro et contra. Железный век, антология» с концептуальной вступительной статьей Есаулова «Рецепция отечественной классики в период русской Катастрофы».

В самое последнее время интересы ученого сосредоточились на генерализации категории *парафраза* и развитии оригинальной научной гипотезы, согласно которой «становление новой русской литературы происходит вследствие не одностороннего, а двунаправленного воздействия на нее различных по своему происхождению культурных токов». Русская литература петровской и последующей эпох, таким образом, развивается как «перевод» существующей православной культурной модели как таковой на «язык» Нового времени, а также параллельный ему «перевод» новоевропейских культурных форм на складывающуюся русскую литературу» [Есаулов, 2019b: 30], (см. также: [Есаулов, 2020b]). Эта концепция — и органическое продолжение прежнего *понимания* И. А. Есауловым русской литературы, и попытка осмыслить

ее одновременно в западноевропейском культурно-историческом контексте.

Концепции, идеи и интерпретации И. А. Есаулова имеют богатый научный потенциал, и, несмотря на попытки части постсоветского гуманитарного сообщества активного сопротивления им, они прорастают в филологических трудах его коллег и последователей, используются в преподавании, учтываются при переиздании произведений русских классиков.

Примечания

- ¹ Посвящена памяти отца — Андрея Мартыновича Есаулова.
- ² То же можно сказать и о таких новых категориях русской филологии, предложенных Есауловым, как пасхальность и христоцентризм.
- ³ «A key observation of his is that Soviet literature was not so much atheist or even materialist, as it was anti-Christian. It allowed the *deificalio* of Lenin, had its own catalogue of martyrs, and created a rich revolutionary mythology» (перевод мой. — Ю. С.).
- ⁴ Размышляя над принципиальной разницей в понимании культуры у А. Ф. Лосева и у М. М. Бахтина, «научные системы» которых «не только никоим образом не “совпадают” в каком-то едином поле, но и находятся, так сказать, в перпендикулярных вселенных» [Есаулов, 2019а: 737], исследователь пришел к неожиданному выводу о том, что «бахтинское разграничение большого и малого времени <...> каким-то образом можно соотнести с понятиями абсолютной и относительной мифологий, которые представлены в “Диалектике мифа” Лосева» [Есаулов, 2019а: 740].
- ⁵ Посвящена памяти матери — Ульяны Дмитриевны Есауловой.
- ⁶ «И како је већ обичај у таквим видовима дискурса, методолошка експликација ауторских ставова уобличена је као полемика из које се у духу сократовске мајеаутике рађају научне истине. У том погледу, Јесаулов се показује као одличан познавалац не само руске науке о књижевности, већ и савремених западних постструктуралистичких теорија. <...> Многе њене поставке могу бити веома подстицајне и за изучавање других књижевности насталих у православном наслеђу, попут српске. Исто тако, примећујемо да без обзира на методолошке оградe и строго издвојену грађу, поједина читања ове књиге наговештавају могућности другачијих тумачења и „неруских“ или неправославних књижевних остварења, премда у нешто другачијем кључу» (перевод Н. П. Видмарович. — Ю. С.).

Список литературы

1. Вахрушев В. С. Письмо провинциала // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 34. — С. 434–436.
2. Вахрушев В. С. Пасхальность и литература // Волга-XXI век. — 2006. — № 3–4. — С. 215–217.
3. Гудков Л. Д. Амбиции и ресентимент идеологического провинциализма: Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995 // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 31. — С. 353–371.
4. Есаулов И. А. К разграничению понятий «целостности» и «завершенности» // Литературное произведение и литературный процесс в аспекте исторической поэтики. — Кемерово: КемГУ, 1988. — С. 15–23.
5. Есаулов И. А. Этическое и эстетическое в рассказе «Пан Аполек» // «Конармия» Исаака Бабеля. — М.: Изд-во РГГУ, 1993 (в соавторстве с Г. А. Белой и Е. А. Добренко). — С. 102–117.
6. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. — 288 с. (а)
7. Есаулов И. А. Спектр адекватности в истолковании литературного произведения («Миргород» Н. В. Гоголя). — М.: Изд-во РГГУ, 1995. — 102 с. (b)
8. Есаулов И. А. Мистика в русской литературе советского периода (Блок, Горький, Есенин, Пастернак). — Тверь: Тверской университет, 2002. — 68 с.
9. Есаулов И. А. О Сцилле либерального прогрессизма и Харибде догматического начетничества в изучении русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — 2008. — Вып. 8. — С. 606–660 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=3471> (15.10.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2008.3471
10. Есаулов И. А. Культурные подтексты поэтики Исаака Бабеля. — София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 2011. — 72 с.
11. Есаулов И. А. От великой русской культуры осталась разве что маленькая часовенка: [Интервью] // Православие и мир. — 2013. — 17 апреля [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.pravmir.ru/ivan-esaulov-ot-velikoj-russkoj-kultury-ostalas-razve-chno-malenkaya-chasovenka/> (15.10.2019)
12. Есаулов И. А. Постсоветские мифологии: структуры повседневности. — М.: Академика, 2015. — 608 с.
13. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. — 3-е изд., испр. и доп. — СПб.: Изд-во РХГА, 2017. — 550 с.
14. Есаулов И. А. Мифологии А. Ф. Лосева в большом и малом времени русской культуры // Философ и его время: к 125-летию со дня рождения А. Ф. Лосева. XVI Лосевские чтения. — М.: МАКС Пресс, 2019. — С. 737–740. (a)
15. Есаулов И. А. Парафраз и становление новой русской литературы (постановка проблемы) // Проблемы исторической поэтики. — 2019. —

- Т. 17. — № 2. — С. 30–66 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (15.10.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262 (b)
16. Есаулов И. А. О любви. Радикальные интерпретации. — Магадань: Новое Время, 2020. — 216 с. (a)
 17. Есаулов И. А. Родное и вселенское в «Мертвых душах» Н. В. Гоголя: парафрастический контекст понимания // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 1. — С. 175–210 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582894223.pdf (15.10.2019). DOI: 10.15393/j9.art.2020.7322 (b)
 18. Есаулов И. А., Сытина Ю. Н. Объяснение, интерпретации и понимание в изучении и преподавании литературы // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. — 2019. — № 2 (42). — С. 21–25.
 19. Захаров В. Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // Проблемы исторической поэтики. — 1998. — Вып. 5. — С. 5–30 [Электронный ресурс]. — URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2472> (15.10.2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472
 20. Звонарева Л. Большое время // Книжное обозрение. — 2012. — № 17 (2341). — С. 5.
 21. Кораблев А. А. Книга о Воскресении // Подходы к изучению текста. — Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 2007. — С. 301–307.
 22. Сергеев С. М. Пасхальный архетип русской культуры // Москва. — 2005. — № 7. — С. 171–177.
 23. Сорокин П. А. Дальняя дорога: Автобиография. — М.: Моск. рабочий; ТЕРРА, 1992. — 315 с.
 24. Поповић Т. Ново читање руске класике // Зборник Матице српске за славистику. — Нови сад, 2013. — № 84. — С. 217–223.
 25. Terras Victor. A Christian Revolution in Russian Literary Criticism // Slavic and East European Journal. — 2002. — Vol. 46. — No. 4. — Pp. 769–776.

Yuliya N. Sytina

*Moscow Regional State University
(Moscow, Russian Federation)*

yulyasytina@yandex.ru

The Problems of Theoretical and Historical Poetics in Ivan Esaulov's Works: Methodology, Concept and New Categories of Russian Philology

Abstract. The article analyzes the contribution of Russian literary critic, doctor of Philology, Professor Ivan Andreevich Esaulov to the study of theoretical and historical poetics revealing his central scientific ideas and principles of building a new concept of the history of Russian literature. The researcher introduced several concepts as philological categories that had never been used in Philology before. These are *sobornost'* (conciliarism), *paskhal'nost'* (Easter character), *Zakon i Blagodat'* (Law and Grace), Christocentrism. Esaulov proposed a new definition of the content of Russian literature thanks to these categories. The researcher proved the fruitfulness of his approach for understanding Russian literature. The material for analysis is rather extensive: from Metropolitan Hilarion's *Word about Law and Grace* to the works of writers of the late 20th century. Esaulov's most important methodological position is the need to distinguish between analysis, understanding and interpretation. These are different approaches to studying a work of art. The scholar also introduces and justifies the concept of "spectrum of adequacy", which implies a plurality of interpretations of a literary work.

Keywords: Ivan Esaulov, *sobornost'*, *paskhal'nost'*, analysis, spectrum of adequacy, interpretation, understanding and cultural unconscious, paraphrase

About the author: *Sytina Yuliya N.* — PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Classical Literature, Moscow Regional State University (ul. Fridrikha Engel'sa 21/3, Moscow, 105005, Russian Federation)

Received: December 19, 2019

Date of publication: May 25, 2020

For citation: Sytina Yu. N. The Problems of Theoretical and Historical Poetics in Ivan Esaulov's Works: Methodology, Concept, New Categories of Russian Philology. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 2, pp. 7–24. DOI: 10.15393/j9.art.2020.7722 (In Russ.)

References

1. Vakhrushev V. S. A Letter of a Back'Countryman. In: *Novoe literaturnoe obozrenie [New Literary Observer]*, 1998, no. 34, pp. 434–436. (In Russ.)
2. Vakhrushev V. S. An Easter Character and Literature. In: *Volga-XXI vek*, 2006, no. 3–4, pp. 215–217. (In Russ.)

3. Gudkov L. D. Ambitions and Resentment of Ideological Provincialism: I. Esaulov. The Category of Conciliarism in Russian Literature. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1995. In: *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Observer], 1998, no. 31, pp. 353–371. (In Russ.)
4. Esaulov I. A. On the Distinction Between the Concepts of “Integrity” and “Completeness”. In: *Literaturnoe proizvedenie i literaturnyy protsess v aspekte istoricheskoy poetiki* [A Literary Work and the Literary Process in the Aspect of Historical Poetics]. Kemerovo, Kemerovo State University Publ., 1988, pp. 15–23. (In Russ.)
5. Esaulov I. A. The Ethical and the Aesthetic in the Story “Pan Apolek”. In: «Konarmiya» Isaaka Babelya [“Conarmia” by Isaac Babel]. Moscow, The Russian State University for the Humanities Publ., 1993, pp. 102–117. (In Russ.)
6. Esaulov I. A. *Kategoriya sobornosti v russkoy literature* [The Category of Sobornost’ in Russian Literature]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995. 288 p. (In Russ.) (a)
7. Esaulov I. A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii literaturnogo proizvedeniya* («Mirgorod» N. V. Gogolya) [The Spectrum of Adequacy in the Interpretation of a Literary Work (N. V. Gogol’s Myrgorod)]. Moscow, the Russian State University for the Humanities Publ., 1995. 100 p. (In Russ.) (b)
8. Esaulov I. A. *Mistika v russkoy literature sovetskogo perioda* (Blok, Gor’kiy, Esenin, Pasternak) [Mysticism in Russian Literature of the Soviet Period (Blok, Gorky, Yesenin, Pasternak)]. Tver’, Tver’ University Publ., 2002. 68 p. (In Russ.)
9. Esaulov I. A. The Scylla of Liberal Progressivism and the Charybdis of a Dogmatic Vicegerent Approach in the Study of Russian Literature. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2008, vol. 8, pp. 606–660. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=3471> (accessed on October 15, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2008.3471 (In Russ.)
10. Esaulov I. A. *Kul’turnye podteksty poetiki Isaaka Babelya* [The Cultural Implications of the Poetics of Isaac Babel]. Sofiya, St. Clement Ohridski Publ., 2011. 72 p. (In Russ.)
11. Esaulov I. A. A Small Chapel is the Only Thing Remained After the Great Russian Literature: (Interview). In: *Pravoslaviye i mir* [Orthodoxy and the World], 2013, April 17. Available at: <https://www.pravmir.ru/ivan-esaulov-ot-velikoj-russkoj-kultury-ostalas-razve-chto-malenkaya-chasovenka/> (accessed on October 15, 2019). (In Russ.)
12. Esaulov I. A. *Postsovetskie mifologii: struktury povsednevnosti* [Post-Soviet Mythologies: Structures of Everyday Life]. Moscow, Akademika Publ., 2015. 608 p. (In Russ.)
13. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [Russian Classics: New Understanding]. St. Petersburg, the Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2017. 550 p. (In Russ.)
14. Esaulov I. A. A. F. Losev’s Mythology in the Big and Small Time of Russian Culture. In: *Filosof i ego vremena: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya A. F. Loseva*.

- XVI Losevskie chteniya [Philosopher and His Time: on the Occasion of the 125th Anniversary of the Birth of A. F. Losev. The 16th Losev Readings]*. Moscow, MAKS Press Publ., 2019, pp. 737–740. (In Russ.) (a)
15. Esaulov I. A. Paraphrasis and the Establishment of the New Russian Literature (to the Problem Statement). In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2019, vol. 17, no. 2, pp. 30–66. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1561976111.pdf (accessed on October 15, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.2019.6262 (In Russ.) (b)
 16. Esaulov I. A. *O Lyubvi. Radikal'nye interpretatsii [About Love. The Radical Interpretations]*. Magadan, The New Time Publ., 2020. 216 p. (In Russ.) (a)
 17. Esaulov I. A. The Native and the Universal in the “Dead Souls” by N. V. Gogol: A Parafrastric Context of Understanding. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 2020, vol. 18, no. 1, pp. 175–210. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1582894223.pdf (accessed on October 15, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.20.20.7322 (In Russ.) (b)
 18. Esaulov I. A., Sytina Yu. N. Analysis, Interpretation and Understanding in the Study of Literature. In: *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika [Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism]*, 2019, no. 2 (42), pp. 21–25. (In Russ.)
 19. Zakharov V. N. Orthodox Aspects of Russian Literature Ethnopoetics. In: *Problemy istoricheskoy poetiki [The Problems of Historical Poetics]*, 1998, vol. 5, pp. 5–30. Available at: http://poetica.pro/journal/article_en.php?id=2472 (accessed on October 15, 2019). DOI: 10.15393/j9.art.1998.2472 (In Russ.)
 20. Zvonareva L. Big Time. In: *Knizhnoe obozrenie [Book Review]*, 2012, no. 17 (2341), p. 5. (In Russ.)
 21. Korablev A. A. The Book of the Resurrection. In: *Podkhody k izucheniyu teksta [The Approaches to the Study of the Text]*. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2007, pp. 301–307. (In Russ.)
 22. Sergeev S. M. An Easter Archetype of Russian Culture. In: *Moscow*, 2005, no. 7, pp. 171–177. (In Russ.)
 23. Sorokin P. A. *Dal'nyaya doroga: Avtobiografiya [A Long Road: Autobiography]*. Moscow, Moskovskiy rabochiy Publ., TERRA Publ., 1992. 315 p. (In Russ.)
 24. Popovich T. Novo čitaње ruske klasike [The New Reading of Russian Classics]. In: *Zbornik Matice srpske for Slavic studies [Proceedings of the Matica Srpska for Slavic Studies]*. Novi Sad, 2013, no. 84, pp. 217–223. (In Serbian)
 25. Terras Victor. A Christian Revolution in Russian Literary Criticism. In: *Slavic and East European Journal*, 2002, vol. 46, no. 4, pp. 769–776. (In English)